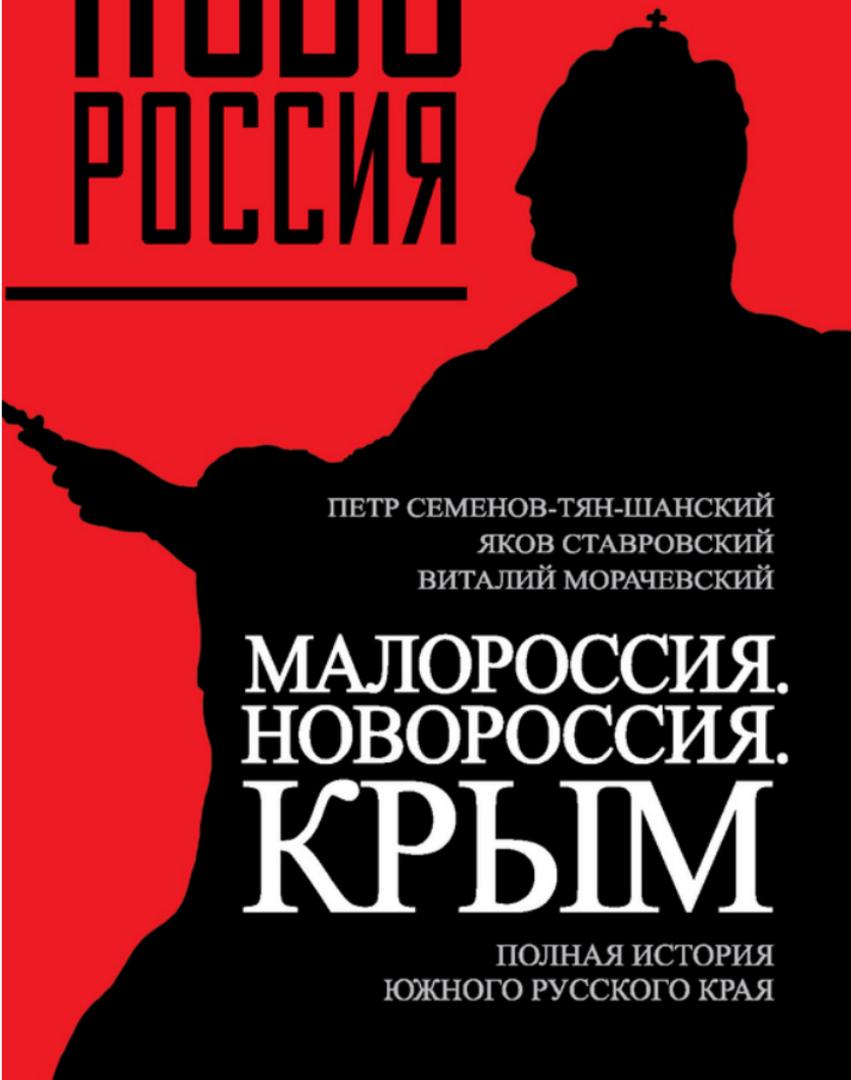

НОВО РОССИЯ

ПЕТР СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ
ЯКОВ СТАВРОВСКИЙ
ВИТАЛИЙ МОРАЧЕВСКИЙ

МАЛОРОССИЯ. НОВОРОССИЯ. КРЫМ

ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ
ЮЖНОГО РУССКОГО КРАЯ

**Яков Ставровский
Виталий Морачевский
Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский
Малороссия. Новороссия.
Крым. Полная история
южного русского края
Серия «Новороссия»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8718447

*Петр Семенов-Тян-Шанский, Яков Ставровский, Виталий Морачевский.
Малороссия. Новороссия. Крым. Полная история южного русского
края: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0923-6*

Аннотация

В настоящем издании в кратких очерках представлены история Юга России, а также современная (на начало XX века) жизнь населявших эти земли народов. Источником книги послужил фундаментальный многотомный труд по географии и истории России «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», создававшийся в течение многих лет в конце XIX – начале XX вв. под редакцией П. П. Семенова-

Тян-Шанского (тт. 7-й – «Малороссия», СПб., 1903, и 14-й – «Новороссия и Крым», СПб., 1910).

Содержание

От составителей	6
Малороссия	8
1. Исторические судьбы Малороссии	13
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Петр Семенов-
Тян-Шанский,
Яков Ставровский,
Виталий Морачевский
Малороссия. Новороссия.
Крым. Полная история
южного русского края**

© Макаров А.Г., Макарова С.Э., состав, 2014

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

От составителей

Настоящее издание посвящено истории освоения русским народом южнорусских степей, Причерноморья и Крыма, истории вхождения этих богатейших земель в состав русского государства. Расселение русского племени на плодородных землях Юга, свободный выход к незамерзающим морям, открывший России возможность свободно торговать плодами своего труда, обеспечение безопасности южных границ – все это и стало в последующем основой превращения России в мировую державу.

И еще одну цель преследовали составители: дать сегодняшнему читателю достоверные и разносторонние сведения из истории своей страны – в условиях, когда историческое знание реуглярно захлестывают волны современного «просвещенного» невежества, мифотворчества, а зачастую и преднамеренного разрушительного действия различных политических сил. Тема освоения Юга России, судьбы малороссийского народа и истории его вхождения в общерусский исторический поток развития является особенно острой и актуальной и вот уже более столетия привлекает к себе пристальное внимание самых различных сил, в том числе и из-за рубежа. Почин здесь был сделан еще во второй половине XIX века Австро-Венгрией и Германией, а новый импульс получен в смутные годы революции 1917-го.

Именно поэтому, в силу остроты и щепетильности предлагаемой темы, в основу этого издания нами был положен многолетний энциклопедический труд большого коллектива русских исследователей, посвященный географии, и истории России и составивший на начало XX века одно из лучших и наиболее полных описаний нашей родины. «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского». Этот многолетний академический труд можно без преувеличения назвать вершиной русской географической и исторической науки предреволюционной поры.

В настоящее издание включены главы из двух томов «Описания России», т. VII (Малороссия. СПб., 1903) и т. XIV (Новороссия и Крым. СПб., 1910), посвященные историческим судьбам Юга России и описанию народов (происхождения, быта, условий жизнедеятельности), там проживавших.

А. Г. Макаров, С. Э. Макарова

Малороссия

Россия. Полное географическое описание нашего отечества под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского.

Малороссия, т. VII. СПб., 1903

Левобережная (по отношению к Днепру) Украина, состоящая из губерний Черниговской, Полтавской и Харьковской, занимает собою пологий юго-западный скат от Среднерусской возвышенности к Днепру, прорезанный параллельным юго-западным течением нескольких значительных притоков последнего, как напр. Десны, Сулы, Псела, Ворсклы и др., и только своим восточным клином захватывает верхнее течение Северского Донца с некоторыми его притоками. Пространство это и по своим физико-географическим условиям, и по своей исторической судьбе имеет большую аналогию со Среднерусской черноземной областью. Как там мы видим три ботанических пояса (лесной, ограниченный бассейном Десны, нижним течением Упы, Осетра, Прони, Пары, Цны, Выши, Бада и Мокши, лесостепной до Валуя, Тихой Сосны и устьев Битюга и Вороны, а к югу от них – степной), так и здесь мы встречаемся с ними же, с тою только разницей, что юго-западное течение здешних рек вообще гораздо определеннее ограничивает их своими долинами при простирации этих поясов с ю.-з. на с.-в. Так, здесь лесной пояс приблизительно ограничивается с юга течением Десны

и Сейма, лесостепной – течением Ворсклы (и только от Полтавы идет поперек водораздела к Змиеву на Донец, а отсюда уже вверх по последней реке к Волчанску), а далее следует степной. Поэтому как та, так и другая область самой природой были предназначены для земледелия. Но при всем том Среднерусская черноземная область наделена несколько богаче полезными ископаемыми (железные руды, каменный уголь), а здесь эти богатства находятся уже вне области – в Донецком бассейне. Самая же существенная разница между обеими областями состоит в том, что преобладающее малорусское население левобережной Украины представляет большие бытовые различия с великорусской по преимуществу Центральной черноземной областью, заметно отражающаяся и на приемах народной эксплуатации земледельческих богатств.

Среднерусская черноземная область была с XII по XVIII в. сначала для Суздальско-Владимирского, а потом для Московского центра «оплечьем» в борьбе со степными кочевниками, а левобережная Украина с самого начала русской истории до XVIII в. была тем же «оплечьем» против кочевников для Киевского центра. По лесному северо-западному краю Среднерусской черноземной области шел торговый и колонизационный путь, связывавший Киев с Суздальско-Владимирским и Московским центрами; юго-западное же начало этого пути проходило в рассматриваемой области по лесистому черниговскому Подесенью. В Среднерус-

ской черноземной области попытка талантливого в. кн. Олега создать из Рязани (расположенной на границе лесного и лесостепного поясов) самостоятельный собирательный русский центр не удалась, между прочим вследствие недостаточно выгодного географического положения Рязани и слабостью ее естественной защиты со стороны степи. В левобережной Украине стремления Чернигова (также расположенного на границе лесного и лесостепного поясов) создать независимый от Киева собирательный русский центр также не имели успеха, между прочим вследствие слабости защиты Чернигова со стороны степи и положения его на второстепенной водной артерии, да притом еще на колонизационном пути из Киевской Руси в Суздальско-Владимирскую и Московскую. При московском господстве в одичавшую от постоянной борьбы с кочевниками Среднерусскую черноземную область направилась колонизация недовольных великорусских элементов Московского государства, урегулированная впоследствии царским правительством. При литовско-польском господстве в одичавшую по той же причине левобережную Украину началось движение недовольных малорусских элементов, впоследствии также урегулированное королевским правительством. Столкнувшиеся и слившиеся единоплеменные и единоверные колонизационные волны сделали левобережную Украину достоянием Москвы.

Участие той и другой области в дальнейшей колонизации южнорусских степей может быть выражено следующей схе-

мой. Бывшая Курско-Харьковско-Азовская и Ростово-Владикавказская ж. д. представляют приблизительную границу сфер: восточной – великорусской колонизации из Среднерусской черноземной области и западной – малорусской из левобережной Украины. При этом территория, колонизованная великорусами, прорезывается по направлению от Харькова к Уральску (т. е. с ю.-з. на с.-в.) отдельными пятнами и полосами малорусских («хохлацких») селений, а территория малорусской колонизации прорезывается по направлению от того же Харькова к Одессе (т. е. с с.-в. на ю.-з.) отдельными пятнами и полосами великорусских («кацапских») поселений. Этот способ расселения, подобно поперечным железным скрепам в каменной стене, придавал только большую прочность колонизации южнорусских степей. Рост Харькова еще до эксплуатации Донецкого бассейна и до основания университета, быть может, объясняется тем, что Харьков был узлом этого расселения, перешедшим сюда из первоначального, чисто военного узла – Белгорода (XVII в.).

С тех пор на долгое время Среднерусская черноземная область сделалась житницей Москвы, а левобережная Украина – житницей Киева, Минского Полесья и Верхнего Поднепровья, так что к рассматриваемой области можно было с полной справедливостью применить слова гр. А. Толстого:

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,

Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора...

Такою же рисовал нам левобережную Малороссию и бессмертный Гоголь. Однако со времени освобождения крестьян громадное сгущение земледельческого населения произвело здесь, еще больше чем в Среднерусской черноземной области, малоземелье и потребность в постоянном выселении на окраины государства, способствуя значительному уменьшению былого «обилия». К счастью, развитие в области заводской промышленности, имеющей непосредственную связь с земледелием (свеклосахарное, винокуренное, табачное и др. производства) и появление в XVIII–XIX вв. такого крупного культурного центра, как Харьков, в значительной степени умеряют здесь те черты «оскудения», которые считаются в настоящее время столь характерными для Центральной земледельческой области.

В. Семенов-Тянь-Шанский, 1903

1. Исторические судьбы Малороссии

Я. Ф. Ставровский «Россия...», т. VII. С. 68–89.

Область трех малороссийских губерний весьма богата своим прошлым. Кроме обильного литературного материала, свидетелями ее многовековой истории могут служить курганы, городища, валы, наконец, могильные памятники тюркских народов, известные под именем «каменных баб», которыми она усеяна. Изучение всех этих памятников без сомнения обогатит историческую науку ценными вкладами, насколько можно судить по тому сравнительно немногому, что сделано уже в этой области. Раскопанные здесь курганы относятся почти ко всем периодам как исторической, так и доисторической жизни. Из находок, относящихся к доисторическому периоду, всего интереснее оказались сделанные в центральных уездах Полтавской губ. по берегам рек Сулы, Удая, притока последнего Коровки, Лохвицы и Оржицы. Здесь, возле села Гонцов Дубенского у. в 1873 г. Г. С. Кирьяков, К. М. Феофилактов и Ф. И. Каминский нашли в слое лесса кости мамонта вместе со множеством каменных и костяных орудий грубой отделки. Находки остатков мамонта, носорога и северного оленя, сопровождаемых грубыми орудиями, были сделаны также близ села Вязовки (Лубенск. у.), в г. Лубнах, близ селений Рудки (Лубенск. у.), Креслян (Прилуцкого у.), Яблоновки (на правом склоне долины р. Оржи-

цы), в Лесовой Слободке (Лохвицкого у.), и у села Волошского близ впадения р. Олавы в Сулу. В пределах Черниговской губ. кости исчезнувших животных попадались в оврагах возле Новгорода-Северска и в Стародубском у., особенно между селениями Тетюрами и Дохновичами. Не лишена представителей доисторической фауны и Харьковская губ. Так, в Чугуеве найден мамонтовый зуб, в окрестностях Купянска – мамонтовый бивень, в деревне Костевке (Ахтырского у.) – почти цельный остов мамонта, наконец, на границе Харьковской и Полтавской губерний, недалеко от города Недригайлова были находимы кости мамонта. Указанные находки остатков исчезнувших животных, в особенности, сопровождаемые грубыми орудиями – на территории Полтавской губ., без всякого сомнения, относятся к самому древнему периоду каменного века – палеолитическому. В Полтавской губ. можно предположить стоянку большого охотничьего племени, жившего здесь в ледниковый период одновременно с мамонтом. Находки предметов каменного века в Полтавской губ. оказались настолько убедительными, что покончили споры о существовании человека на территории России в ледниковый период. Мало того, на основании их сделано предположение, что каменный век в России относится к более отдаленным временам, чем в Западной Европе.

Из других местонахождений большею частью смешанного типа, со следами разных эпох, интересны группы бугров в уездах Остерском Черниговской губ. и Переяслав-

ском, Золотоношском и Кременчугском – Полтавской. Гряда этих могильных курганов идет вдоль Днепра против пещерных жилищ первобытного человека, усеивающих преимущественно противоположный берег реки. Лучшие описания этих бугров мы находим у Н. Беляшевского и бар. де-Бая, подробно их исследовавших. Всего больше исследовано бугров этого типа в Остерском у. Черниговской губ. Здесь они расположены у селений: Никольской слободки, Выгуровщины, Троещина, Воскресенской слободки, Вишенок, Бровар, Гнедина, Жеребятина, на правой стороне р. Десны против г. Остра, у местечка Воронкова между Старосельем и Сваромьем. Продолжение этих курганов в Полтавской губ. составляют бугры близ селений Селища и Скопцов в Переяславском у., против Княжой горы в Золотоношском у. и у г. Кременчуга. Большинство найденных в указанных могилах предметов относится, по-видимому, к концу каменного века. Всего больше здесь попадалось кремневых орудий – наконечников стрел, разных скребков и осколков ножей и т. п. Встречались местами также черепки гончарных изделий, снабженных нередко довольно искусным орнаментом; наконец немало было найдено кухонных остатков в виде измельченных костей рыб, птиц и домашних животных. К более поздним временам здесь относятся осколки погребальных урн, бронзовые и железные предметы, остатки кострищ с обуглившимися костями человека (близ сл. Никольской) и человеческий скелет без следов обрядового погребения

(близ с. Вишенок). В Харьковской губ. кремневые орудия (особенно стрелы) были найдены главным образом в Изюмском, Купянском и Богодуховском уездах. Более характерны для этой губернии предметы позднейшей, уже исторической эпохи. Существование бронзового века, который в Западной Европе следовал за каменным, в нашей области установить затруднительно, за отсутствием типичных для бронзовой культуры находок, если не считать нескольких довольно интересных бронзовых изделий, найденных И. Зарецким в Богодуховском и Ахтырском уездах. В большинстве же случаев вместе с бронзовыми предметами находили и железные, а иногда также золотые и серебряные. Очевидно, в эпоху, когда каменный век стал сменяться бронзовым, как это имело место в странах Западной Европы, в нашей области население испытывало на себе уже влияние более цивилизованных народов, снабжавших его своими изделиями.

В виду смешанного характера находок, может иметь большое значение классификация периодов, предложенная Д. Самоквасовым, ставящая археологию в более близкие соприкосновения с историей. Согласно этой классификации (с поправками к ней) все находки могут быть отнесены к одной из следующих эпох: киммерийской, соответствующей каменному, частью, бронзовому векам; скифской – с VI века до Р. Х. до I по Р. Х.; сарматской – I–II в. по Р. Х.; к этой эпохе следует еще присоединить готскую во II–IV в, славянской – с IV–XI в. и половецко-татарской – с XII–XV в.

Из раскопок курганов, относящихся к скифо-сарматскому периоду, всего более интересны произведенные в сел. Аксютинце и Валковцах Роменского у., по р. Суле около г. Ромен, в селениях Поповке, Ярмолинцах и Чебереках. Здесь находили сосуды, иногда снабженные звериным орнаментом, много украшений из янтаря, разноцветного стекла, рога и всевозможные изделия из бронзы, золота и серебра. Большинство предметов вероятно греческого происхождения и занесены сюда торговлей. Во многих из них видно желание подделаться под вкус варваров. Чем севернее, тем греческое влияние оказывается слабее; здесь попадаются уже оригинальные предметы, а также иногда заметно влияние искусства урало-алтайского типа.

Во второй половине II в. по Р. Х. готское господство, сменившее собою сарматское, захватило всю описываемую область. Гуннское переселение, сокрушило, как известно, готское царство и захватило всю степную часть нашей области. Эта волна кочевников оставила за собою след в виде авар или обров. Аварское господство сменилось в нашей области сначала хазарским, а затем славянским.

О последнем мы имеем много любопытных данных у византийских (Константин Багрянородный, Прокопий, Маврикий, Феофилакт, и проч.) и арабских (Ибн-Хордат бег, Ибн-Даста, Ибн-Фодлан Массуди) писателей. С описываемым арабами славянским обрядом трупосожжения вполне согласуются данные, добытые раскопками Д. Самоквасова в

Черниговском, Стародубском, Новгород-Северском, Кролевецком и Глуховском уездах Черниговской губ. и в Сумском у. Харьковской губ. Особенно интересными оказались две могилы в Чернигове – Гульбище и Черная могила, а затем курганы возле селений: Сиднева, Лариновки, Мериновки и недалеко от Стародуба. Раскопками этими установлен факт обряда трупосожжения, широко распространенного у некоторых славянских племен и особенно у северян. Эпоха трупосожжения, по мнению Самоквасова, продолжалась с конца IX и до начала XI века, как можно предположить по найденным в могилах диргеммам и византийским монетам с соответствующими датами.

В пределах области трех малороссийских губерний наша начальная летопись помещает северян по Десне и Суле (суличи), упоминая об их торговых городах Любеч и Чернигов. Область, занятая северянами, граничила с областями кривичей и полян по Днепру, границей же с областью радимичей служил водораздел между притоком Сожа Ипутью и притоком Десны Сновью. К югу и юго-востоку от Подесенья направлялась успешная северянская колонизация, главным образом по рекам Днепровского и Донского бассейнов. Донец при этом служил их главной артерией для сношения с юго-востоком (Тьмутараканью и Хазарией). Таким образом, северяне занимали всю описываемую нами область и распространялись еще к востоку от нее в соседнюю Среднерусскую черноземную.

В начале IX в. с востока пришли в южную степную часть рассматриваемой области новые толпы тюркских кочевников, известные в нашей летописи под именем печенегов, и заняли южные окраины.

Водворение кочевников в приднепровских степях сильно вредило оживленной торговле славянских племен с Царьградом, до того времени процветавшей под прикрытием хазар. Теперь славянским племенам приходилось стать в непосредственные отношения к враждебным им кочевникам и защищаться самостоятельно. Это и послужило толчком для их объединения. К этому времени относится призвание варяжских князей, которые взяли на себя объединительную задачу. Характер их княжения в первое время вполне объяснялся их ролью защитников торговли, вожаков военно-торговых экспедиций. Варяжские князья со своими дружинами сначала стали поверх населения, не смешиваясь с ним. Отношение их к управляемым было чисто служебное: они обязаны были защищать их, за что получали вознаграждение в виде разных видов даней – «полюдьа», «повоза», «оброка». По городам сидели князьи мужы из дружинников, представляя собою заместителей князей. Что касается собственно славянского населения, то оно в то время было довольно однородно и распадалось на две группы – свободных и рабов. Свободный класс состоял из людей (земства) и смердов. Группу упоминаемых еще гостей вероятно составляли те же люди в роли торговцев-воинов.

Объединение совершалось вокруг главных торговых городов, тогда как племенные связи постепенно стирались. Такими центральными городами нашей области были: Чернигов, Любеч и Переяславль. Во главе всех областей уже рано стал Киев, что объясняется его выгодным географическим положением, дававшим ему первенство в торговле с Царьградом. Такое значение Киева было оценено уже первыми князьями, основавшимися здесь с Олега. Деятельность варяжских князей преследовала цели: объединение славянских племен, защиту границ и завоевание и расширение рынков. Так, Олег, утвердившись среди полян, в продолжение 15 лет занимался покорением племен, обложил их в свою очередь данью. «Олег, – рассказывает летописец, – иде на северы и возложи на них дань легку и не даст козарам дань даяти, рек: аз им противен, а вам нечему». Для защиты славянских племен от кочевников он начал строить города. Забота его о присоединенных землях выражалась между прочим в «укладах», которые он выговорил после удачного похода в Византию, на главные торговые города, и в том числе на Чернигов, Переяславль и Любеч. Продолжая ту же деятельность, преемник Олега Святослав, совершил ряд удачных походов на болгар и хазар и окончательно сокрушил их могущество. При Владимире Святом делу объединения весьма успешно помогло христианство. В земле северян оно распространилось очень легко, очевидно уже знакомое населению и раньше благодаря его торговым связям. Владимиру приходилось особенно

деятельно защищать пределы русской земли от печенегов, передовые кибитки которых находились в то время в 40 верстах от Киева, вероятно больше с низменной луговой стороны Днепра, т. е. в пределах нашей области. «Не добро есть мало городов около Киева», – сказал Владимир, «и нача ставити города по Десне и по Устри и Трубешеве и по Суле, и по Стугне» (Ипат. лет.). Кроме постройки городов старые торговые города обращались в боевые и укреплялись. В города было велено набирать лучших (храбрых) людей. Владимиру приписывают устройство оборонительного ряда, известного под именем Змиевых валов (Полтавская, Черниговская и особенно Киевская губ. в местностях, пограничных со степью), хотя их можно относить и к более ранней эпохе. Оборона границ и постройка городов успешно продолжалась и при Ярославе Мудром.

В нашей области летопись называет в то время кроме Чернигова и Любеча, основанных вероятно до варяжских князей, еще Листвен на территории Черниговской губ. (Городнянский у.), Лукомль (Лукомье, м. Дубенского у. при р. Суле), Лубно, Прилук, Хороль, Лтаву, в которой предполагают Полтаву, в пределах Полтавской губ. Под прикрытием этих городов северянская колонизация постепенно распространилась по Донцу и его притокам. Системой Дона поддерживалась также связь с богатой славянской колонией, обязанной своим существованием тоже, по-видимому, северянской колонизации – Тьмутараканью, находившейся на во-

сточном берегу Керченского пролива. Тьмутаракань долгое время не теряла связи с Северной землей, принимая нередко в ее судьбах большое участие. Так, брат Ярослава Мудрого, Мстислав Тьмутараканский победил его при Листвене и, по соглашению с ним, объединил под своею властью весь левый берег Днепра и Подесенья – области северян, радимичей и даже вятичей. Это разделение русской земли продолжалось до смерти Мстислава, после чего отделившиеся земли вновь перешли к Ярославу. После Ярослава Мудрого начался удельно-вечевой порядок, полный постоянных усобиц; только было начавшаяся объединяться, русская земля распадалась на самостоятельные княжества. Обособление отдельных княжеств вызвано было, прежде всего, экономическим и политическим упадком центра русской земли – Киева, терявшего свое исключительное положение с падением византийской торговли. Благодаря этому уравнивалось значение других областей, которые вместо наместников получили независимых князей, связанных между собой родством, по степеням которого они и занимали столы. Возвышалась в этот период также самостоятельность населения по мере расчленения его на экономически не равные группы: кроме свободных и рабов появился новый класс полусвободных – закупов. Самостоятельность общества выражалась в вечеах, которые получили значительное развитие. В нашей области, однако, вече не достигало первенствующего значения как в Новгороде и Пскове, так как здесь необходимость вести по-

стоянную борьбу со степью выдвигала на первый план военнoдружинный элемент с его верховным главой – князем.

Из отдельных княжеств, на которые распалась область по левой стороне Днепра, прежде всего образовались Черниговско-Северское и Переяславское. Черниговско-Северское княжество было расположено по Десне и отчасти по верховьям Оки, заключая в себе земли северян, радимичей (по Сожу и Днепру) и вятичей (по Оке). Очерченный район занимает в настоящее время губернии: Черниговскую, Курскую, Орловскую, части Могилевской и Смоленской, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, части Московской и Владимирской, Тамбовской и Воронежской. К Черниговско-Северскому же княжеству тянула отдаленная Тьмутаракань.

После Любецкого съезда князей в 1096 г., от Чернигово-Северского княжества отделилось княжество Новгород-Северское, расположенное главной массой между Десной и Сеймом; западная его граница заходила через Десну и шла по его притокам Снови и Судости. Территория княжества соответствовала восточной части Черниговской губ. и юго-западной – Орловской, Курской и отчасти Тульской.

В XII в. от Чернигово-Северского княжества обособилось еще Муромо-Рязанское (части Тульской, Московской, Рязанской, Владимирской, Тамбовской и Воронежской губерний). Переяславское княжество занимало притоки Днепра – Трубеж, Супой, Сулу, Псел и простиралось до Ворсклы. Северная граница его шла по Сейму и Остру, южная же, в ви-

ду переменных успехов в борьбе с кочевниками, очень часто менялась, не заходя впрочем, севернее Сулы. К Переяславскому княжеству до половины XII в. тянула еще отчасти чересполосная земля между Окой и Волгой, и даже часть Поволжья; с указанного же времени часть эта составила самостоятельное Суздальское княжество. Географическое расположение княжеств дает ключ к пониманию их истории. Переяславское княжество имеет особенно важное значение в обороне русской земли от соседней, беспокойной степи. Это – «оплечье Киева», с историей которого тесно связана его судьба. Так, нередко переяславский стол занимали сыновья киевского князя, или княжеством даже непосредственно управлял последний. Важная боевая роль княжества делала его переходной ступенью к Киевскому. Черниговское княжество, как более безопасное и богатое, добилось сравнительно большей самостоятельности и служило приманкой князьям при их передвижениях. Уже во втором поколении Ярославова дома происходили жестокие смуты из-за Чернигово-Северских земель, вызванные притязаниями Святославичей добыть свою вотчину, что, после долгих стараний, им и удалось. Не менее упорная борьба разыгралась позднее между черниговскими князьями Ольговичами и Мономаховичами из-за Киевского стола.

Вековая борьба с кочевниками в связи с княжескими усобицами обессилила русскую землю. Когда-то хорошо населенный край быстро опустел; население сжалось, уходя

на северо-запад за пределы искусственных и естественных укреплений, тогда как половцы распространили свои кочевья до р. Удая. Только отдельные поселения, оазисами попадавшие по рекам Донецкого бассейна, напоминали о северянской колонизации, успешно распространявшейся здесь в былое время. Так, в «Слове о полку Игореве» упоминается г. Донец (Донецкое городище), в котором нашел себе приют бежавший из половецкого плена Игорь Святославович. Остатки этого города предполагают найти в городище того же имени на правом берегу р. Уды, в нескольких верстах от г. Харькова. Наконец следами распространения этой колонизации могут служить упоминаемые в летописи «половецкие» города, как-то Шарукан (вероятно на месте Чугуева), Балин, Чешлюев, – первоначально аланские поселения, сильно обрусевшие впоследствии. Подтверждением этому может служить то обстоятельство, что жители г. Шаруканя оказались христианами и во время похода русских в 1110 г. вышли к ним с пением молитв и хоругвями.

Другим доказательством обрусения старинных аланских и более восточных хазарских поселений может служить выселение в 1117 г. в Черниговскую губ. жителей из г. Белой Вежи (на Дону близ Волго-Донской перемычки). Переселенцы основали новый г. Белую Вежу в пределах Черниговской губ. Остатками его является городище в Борзенском у. близ немецкой колонии Белемеш. Кроме городов, упоминаемых в летописи, о запустении прежде заселенных пору-

бежных с половецкою степью частей области свидетельствует множество сохранившихся до нашего времени древних городищ, которыми наиболее густо покрыта северо-западная часть Харьковской губ. В бассейне Днестра их насчитывают 23, в бассейне Донца – 18. Так, по Донцу и Удам известны городища: Нижегольское (Белгородского у. Курской губ.), Чугуево (Верхний Шарукан), Кабаново (при впадении р. Уды в Донец), Хорошево, Донецкое (г. Донец), Мухначево, Змиево (на устье р. Можы) и Каменное, по Пслу – Азацкое и Городецкое. Близ этих городищ находились и города, известные летописи: Вяхан на притоке Сулы, Терн, Попаш на Попадье и г. Зарытый, вероятно недалеко от Попаша.

Пограничная со степью территория в то время была местом сторожевой службы и была покрыта валами и засеками. Кое-где, в более безопасных местах, попадалось здесь и оседлое население частью славянское, частью помесь славян с потомками алан и позднейшими тюркскими кочевниками. Хорошими памятниками от тюркских племен остались так называемые «каменные бабы». Под этим именем известны каменные изваяния, представляющие грубые подобию человеческой фигуры, которые кочевники ставили на своих могилах. В нашей области каменные бабы попадаются в южных уездах Харьковской губ. – Изюмском, Змиевском, Купянском и Старобельском. Следует упомянуть также об интересной общине, организованной вероятно упомянутой полуславянской помесью, известной под именем «бродников».

Эта полуоседлая община представляла собой прототип воровского казачества, с которым ее сближали общие условия тревожной жизни искателей приключений в изобиловавших естественными богатствами степях. Бродники считались, по-видимому, христианами, хотя к кочевникам стояли ближе, чем к русским. Иногда они участвовали в княжеских смутах: напр. В 1147 г. они помогали новгород-северскому князю Святославу Ольговичу. Во время нашествия татар бродники немало содействовали, в личных целях, поражению русских князей при Калке и дальнейшим неудачам русских князей в степях. Последним кочевым народом, надолго остановившим естественный рост и культурное развитие нашей области, были татары. Разорив северо-восточные княжества, татары в 1239-40 г. спустились в южную Русь, разграбили и сожгли все ее города. Запустение нашей области завершилось: население бежало отсюда на северо-восток (в Суздальскую, Рязанскую и Московскую Русь), на запад – на Карпаты и в бассейн р. Вислы. Хорошо заселенный край обратился в степь, где кочевали татары. В 1246 г. через Киев к татарам приезжал из Польши папский миссионер Платон Карпини. «Когда мы проезжали по русской земле», говорил он, «то видели бесчисленное множество черепов и костей человеческих в степи. Киев был прежде очень велик и многолюден, а ныне в нем едва ли 200 домов». В северных частях нашей области, под прикрытием лесов и болот, население поредело в меньшей мере, чем в южной.

После того, как св. кн. Черниговский Михаил Всеволодович трагически погиб в орде, его сын Роман перешел на княжение в наиболее возвысившийся в то время Брянск, сделавшийся также резиденцией бывшего черниговского епископа. Роман Михайлович успешно оберегал границы Чернигово-Северской земли от притязаний смоленских князей и Литвы. С возвышением Литвы южно-русские земли очень скоро вошли в ее состав. Мирное и добровольное присоединение русских княжеств началось при Гедимине и было завершено Ольгердом, присоединившим Брянское, Северское и Черниговское княжества. Под протекторатом Литвы здешние русские земли освободились от татарского ига, но вместе с тем порвали связь с восточной Русью, которая в то время собиралась вокруг Москвы. Управление присоединенными к Литве княжествами частью перешло к князьям литовским из рода Гедимина, частью осталось в потомстве прежних русских князей. При этом сохранялся прежний удельный порядок и неизбежные при нем усобицы. Однако усиление центрального литовского правительства уже сказывалось в назначении воевод, старост и наместников.

Первое время по присоединении русских земель к Литве, последняя испытывала на себе сильное русское влияние: быстро распространялось православие, русский язык делался господствующим даже в нерусских частях Литвы. Вскоре, однако, необходимость вести борьбу с тевтонским орденом вызвала сближение Литвы с Польшей. Сближение это шло

быстрыми шагами, несмотря на сильное несочувствие к соединению с Польшей со стороны значительной части населения Литовского княжества, вызвавшее даже обособление его на некоторое время при Витовте. В Литве и русских землях, ей принадлежавших, начали распространяться польские порядки и католичество. Как и в Польше, здесь постепенно возрастало экономическое и политическое значение боярства – магнатов.

Усиление крупного дворянства отражалось невыгодно на положении посполства (крестьянства). Последнее постепенно лишалось права свободного перехода и обременялось подневольным трудом – барщиной и панщиной. Под влиянием польских порядков, сильно развивалось среди крестьян личное, усадебное землевладение, подрывая господствовавшее до тех пор общинное с переделами земель, которое здесь образовалось из родового путем припускания посторонних лиц «потужников». Наиболее характерна эта форма землепользования была для чернигово-северских земель. Значительной самостоятельности добилось городское население, которое получило магдебургское право, освобождавшее горожан от некоторых казенных податей и подсудности королевским чиновникам. Купцы и ремесленники замыкались в цехи с выборным начальством и получили свой суд, находившийся в руках войта (судьи) с выборными бурмистрами и райцами. Все это относилось в нашей области, главным образом к лесистой Черниговской губернии, так как южные

степные части области, разоренные татарами, представляли в это время в полном смысле слова «дикое поле».

В то время как возвышавшееся дворянство в русских землях Литвы охотно усваивало польские обычаи и принимало католичество, потомки прежних удельных князей, терявшие свое исключительное положение, а еще в большей степени закрепощаемое крестьянство обращало взоры к Москве. Опираясь на эти слои населения, московское правительство уже с начала XVI в. высказывало притязания на русские земли Литовского княжества. Навстречу его желанию пошли удельные князья чернигово-северские – Новосильские, Белевские, Одоевские, Воротынские, Глинские и др., которые добровольно били челом московскому царю своими вотчинами. Попытка Литвы, терявшей таким образом значительную часть чернигово-северских владений, вернуть их оружием окончилась для нее неудачно. С тех пор чернигово-северские земли остались за Москвой, порубежные же владения во время войн переходили из рук в руки. При Иване Грозном боярство отошедших к Москве земель вновь тянуло к Литве, что и угрожало последней войной со стороны Москвы. Безвыходность положения Литвы заставила ее согласиться на унию с Польшей, заключенную в Люблине в 1569 г. По условиям соединения оба государства сливались в одно, имели одного монарха, общий сейм, общий сенат (рада), но особые законы, правительственные лица и отдельное войско. Часть западно-русских земель – Волынь, Подляхия и Укра-

ина, соответствовавшая нынешним Подольской, Киевской и Полтавской губерниям, переходила к Польше. В этих землях польское правительство и магнаты старались закрепить народ и, в союзе с иезуитами, распространяли католичество и переходную к нему ступень от православия – унию.

Социальные и религиозные причины гнали из подчиненных Польше Холмской Руси и Волыни толпы недовольных малоруссов на пограничные со степью, опустевшие во время татарского нашествия земли Киевской губ. до Днепра, а затем и за Днепр в пределы Полтавской губ. (Переяславское староство). С этого момента и началась колонизация нашей области малорусским элементом. Переселенцы вербовались из разных слоев населения. Сюда входили и недовольные зависимым положением мелкие шляхтичи, и мещане, стремившиеся на Украину из-за исключительных льгот, предоставлявшихся здешнему городскому населению, освобожденному от натуральных повинностей ради военных занятий; наконец самый большой контингент переселенцев составляли посполитые, бежавшие от крепостного права. Особые исключительные условия жизни в соседстве с тревожной и в то же время богатой степью перерабатывали все эти выселившееся недовольные элементы в тип поселенцев-воинов, известных под именем украинских казаков, подобно тому, как недовольные великорусские элементы Московского государства образовали в то же время донское и приволжское казачество. Слово «казак» заимствовано первоначаль-

но у татар, где казаками назывался низший разряд партизанского конного войска, и впервые упоминается в Рязанском княжестве. Казаки составляли вооруженные артели, пробиравшиеся в степь на отхожие промыслы – «ухожаи», «уходы» и занимавшиеся здесь рыбной ловлей, охотой, местами заводившие хутора для скотоводства и земледелия.

Польское правительство, не выпускавшее, подобно Московскому, казаков из своего подданства, пользовалось казачеством для своих целей, как надежным оплотом со стороны кочевников. Благодаря им, украинские земли становились безопаснее. Этим воспользовались в частности и польские магнаты, получившие здесь от правительства громаднейшие земельные участки, как Уманыщина в Киевской губ., Вишневецина, занимавшая почти всю Полтавскую губ. Чтобы заселить свои владения, паны «закликали посполитых на слободы», освобождая их на некоторое время от повинностей. Новые владельцы вскоре вступили в столкновения с прежними вольными поселенцами, считавшими земли своими. Результатом земельных споров явилось усиление бегства непокорных элементов еще дальше в привольные степи и общее стремление населения оказачиться.

Правительство, отстаивая интересы дворян, старалось уменьшить число казаков. Кроме того, оно было заинтересовано в том, чтобы подчинить своей власти этот беспокойный элемент, вызывавший своими набегами на крымских татар и турок неоднократно нарекания со стороны последних

и втягивавших поляков даже в войны. Дать казакам организацию оказывалось, однако, долгое время делом очень трудным. В первое время своего существования казаки подчинялись старостам пограничных поветов, хотя это подчинение было номинальным, и не обеспечивало правительство от самовольных походов. Первая попытка дать казакам организацию относится к 1506 г. и приписывается Предславу Ланскоронскому который по поручению короля, разделил казаков на низовцев или запорожцев, живших за порогами Днепра и городских или украинских казаков. В 1569 г. казаки получили особого казацкого «старшого», подчиненного коронному гетману.

При Стефане Батории из городских казаков было выделено 6.000 человек под именем реестровых казаков, которые получали жалование, остальные же должны были быть обращены в посполство. Реформа Стефана Батория вызвала сильный рост вольных, так называемых «воровских» казаков. Наиболее безопасным пристанищем для них служили острова на Днестре за порогами (в пределах Екатеринославской губ.), где они вскоре организовали своеобразную общину, местопребывание которой называлось Сечью (сечь, сечь соответствует русской засеке, лесной вырубке). Ради безопасности местопребывание общины менялось, так что за все время существования запорожского казачества известно 8 сечей. Наибольшею известностью пользовалась сечь на острове Хортице (Екатеринославской губ.), на месте, где в

половине XVI в. была построена каневским старостой Дмитрием Вишневецким крепость для защиты казацких «уходов» на Днестре возле порогов. Община называлась кошем (стан). Она была организована на началах широкого самоуправления; доступ в нее был свободен для всякого под условием только принадлежности к православной церкви. Кроме этого, вступающие в общину должны были расставаться с женами, так как в сечь женщины не допускались.

Во главе войска стояли выборные: кошевой атаман с помощниками – войсковым судьей, писарем и есаулом. Кошевой пользовался неограниченной властью, во время войны, в мирное же время верховная власть принадлежала раде из всех членов общины без ограничения. Со времени своего возникновения запорожское казачество стало во главе почти всех казацких восстаний, которые с этих пор почти не прекращались. Уже в 1590 г. сейм, недовольный их самовольством, издал «порядок со стороны Низу и Украины», содержащий ряд суровых ограничений казацких вольностей. Стефан Баторий запретил выдавать казакам селитру и порох. На эти постановления казаки отвечали восстаниями. Восстания были тем успешнее, что находили для себя хорошую почву среди закрепощаемого посольства, охотно примыкавшего к казакам, так что волнения принимали характер настоящих крестьянских войн. В конце XVI века вспыхнули одно за другим восстания, во главе которых стояли Косинский, Наливайка, Лобода, Метла Гедройц. Значительных успехов

достигли казаки в начале XVII в., когда во главе их стал Ко-нашевич-Сагайдачный. Пользуясь стесненным положением Польши, обратившейся к казакам за помощью для войны с Россией (смутный период), Сагайдачный добился ряда уступок, довел число казаков до 50.000 и первый получил титул гетмана. По его просьбе иерусалимский патриарх восстановил в Украине православную церковь в том виде, в котором она была до унии. Кроме того, Сагайдачный сделал попытку внутренней реформы казачества в демократическом духе, так как в это время уже начинал выделяться верхний слой – старшина. После Сагайдачного восстания не прекращались. Вследствие неудачи казаков, по условиям Куруковского договора, число реестровых казаков было сокращено до 6.000, хотя им был оставлен выборный гетман и свой суд.

Затем следовал ряд восстаний с переменным успехом – Тараса Трясила, запорожского гетмана Павлюга, Острияницы, Дмитрия Гуни. В 30-х и 40-х годах XVII ст. полякам, по-видимому, удалось сломить казаков. Казацкие старшие назначались польским правительством, поляки упрочились и на Запорожье в построенной французским инженером Бопланом крепости Кодак. Вместе с тем панская колонизация, влекшая за собой закрепощение народа, приняла необыкновенные размеры. Народ массами бежал в московские пределы и пробирался на Дон; таким образом на пространстве между Сеймом, Донцом и Доном (Курская, Воронежская и отчасти Харьковская губ.) малорусская вольная казачья ко-

лонизация из Польши слилась с великорусской вольной казачьей колонизацией из Московии.

В то время как польское правительство старалось вслед за казаками подвигаться на степь с северо-запада, Москва, как единоплеменная казачьему населению, с еще большим успехом смыкала вслед за донскими казаками и воздвигала свои оборонительные черты укреплений с севера. Систематическая колонизация степей русским правительством началась с XVI века. Московское правительство обыкновенно поселяло на южной границе государства полки, стоянки которых постепенно смыкались валами и засеками. За пределами этих укрепленных линий в степи разъезжали сторожа и станичники, обязанность которых была следить за движением татар и заблаговременно предупреждать население об опасности. Местами в степи устраивались засады, острожки, укрепления, особенно близ татарских дорог – шляхов (сакм), перевозов и перелазов (бродов). Муравский шлях, или Царева дорога, по которой ходил крымский хан, направлялся, как известно, от Крымского Перекопа к Туле водоразделом рек Днепровского и Донского бассейнов. Узкое место, окруженное болотами и лесами между Можью (приток Сев. Донца) и Коломаком (приток Ворсклы) в нашей области было весьма удобно для устройства засады, чем и пользовалось правительство, содержа здесь постоянную стражу. От Муравского шляха у верховье Орели отделялась к востоку Изюмская сакма. Далее она шла от Донца, через который была пере-

права ниже нынешнего Изюма, а затем водоразделом между Осколом и Донцом, переходя в соседнюю Центральную черноземную область. Наконец третья – Калмиусская сакма – направлялась по нашей области от Молочных Вод к притоку Донца Боровой, где был перевоз, а затем продолжалась в Центральную черноземную область на Дивны. Кроме этих трех главных дорог по нашей области частью или целиком пролегали второстепенные дороги, Бакаев, Ромодановский, Сагайдачный шляхи, направление которых одинаково – от Днепра в центральные местности России.

Колонизация южных границ Московского государства долгое время имела исключительно правительственный, принудительный характер. «Жилецкие люди» шли сюда неохотно в виду постоянно грозившей со стороны степи опасности, а поселенные силой нередко разбегались. Весьма незначительный процент пограничного населения составляли также бояре и боярские дети. Главный контингент населения составляли «приборные люди» – казаки, стрельцы, рейтары, драгуны, затем строители городов – плотники, кузнецы, каменщики.

В виду сокращения расходов на содержание на границах служилого населения, правительство широко производило раздачу здесь поместий. Последние известны и за пределами московских владений, нередко далеко в степи. Так, по жалованным грамотам Михаила Федоровича ряд юртов (имений) по Сев. Донцу и Удам недалеко от г. Чугуева был от-

дан частным лицам. Однако долгое время правительство было принуждено постоянно подвозить на границы съестные припасы из центральных местностей, так как занятые войной служилые люди были не в состоянии вести сельское хозяйство. Более жизнеспособными и менее требовательными оказались мелкие поселенцы, привлекаемые сюда разными льготами, так называемые «одноворцы» или «четвертные владельцы», получавшие известное число четвертей или четей (земельная мера, равная $\frac{1}{2}$ дес.). Из них постепенно вырабатывался тип земледельца-воина, сходного с казаком. Пограничное население обыкновенно жило в слободах, города же служили главным образом для «осадного сидения», куда укрывался народ при приближении татар. Этим объясняется своеобразная наружность пограничных городов, состоявших из острога со двором вокруг.

Строительная деятельность московского правительства началась при Иване Грозном, когда мы видим два ряда городов, пограничных со степью. Из них передний выходил из Центральной черноземной области (Курская губ.) в Черниговскую губ., причем в пределах последней губернии в состав черты входил г. Новгород-Северск. Курская и Черниговская губернии тогда назывались Северной Украиной.

При Борисе Годунове была сделана смелая попытка двинуться далеко в степь, для чего был построен г. Царев-Борисов близ слияния р. Оскола с Донцом (ныне село того же имени). В этот город назначались на постой посменно

ратные люди из украинских городов. Смутный период временно остановил победоносную борьбу со степью. Мало того, в этот период много заселенных мест (и в том числе, прежде всего отдаленный Цареборисов) запустело. В нашей области Чернигово-Северская земля представляла в то время очаг недовольных элементов, поддерживавших самозванцев. При Михаиле Федоровиче правительство приступило с новой энергией к обороне границ и продолжало строить города. Особенно усилилась эта деятельность в 1636 г. Под прикрытием правительственных мероприятий мало-помалу начала развиваться и вольная колонизация. Главным колонизаторским элементом в это время служили в нашей области малорусы. Первое массовое выселение малорусов в московские пределы относится к 1639 г., когда малорусские казаки, после неудачного восстания против поляков, бежали в русскую Украину со своим предводителем Яковом Острияницей и основали г. Чугуев на Донце. Через два года, впрочем, под влиянием польских подстрекательств они покинули Чугуев, почему русское правительство было вынуждено заселить его сведенцами из украинских городов.

При Алексее Михайловиче малорусская вольная колонизация приняла еще большие размеры. Малорусы массами переселялись в пределы Харьковской и восточной части Полтавской губернии, известные под именем Слободской Украины. Города последней вскоре заслонили только что оконченную Белгородскую черту, западная часть которой с г. Ах-

тыркой заходила на территорию нашей области, в остальных своих частях проходя по Центральной черноземной области недалеко от северной границы нынешней Харьковской губ. К трем центральным городам Слободской Украины – восстановленному Цареборисову (близ устья р. Оскола), Чугуеву и Вольному – вскоре присоединились еще: Валки, Алешин (село Лебединского у.) Ахтырка, Бобрик (село Сумского у.), Каменное (с. Пригородка на р. Пселе Лебединского у.), Недригайлов, Тор (Славянск) и, наконец, Харьков. Из этих городов некоторые обязаны своим возникновением правительству, большая же часть – вольной – малоросской или смешанной с великорусской колонизации, так как последняя уже проникла в Харьковскую губ. Много тяглых людей из Московского государства бежали от усиливавшегося налогового гнета сюда на привольные степные земли. Пробирались сюда и промышленники – «охочьи люди» – с целью попытаться счастья на соляных озерах близ Славянска, получая от правительства «на откуп» разработку этих естественных богатств.

Слагаясь из указанных элементов, новое население заняло при Михаиле Федоровиче пределы нынешних Ахтырского, Лебединского, Змиевского, Гадячского, частью Харьковско-го, Волчанского, Старобельского и Купянского уездов. По этнографическому составу ныне преобладают здесь малороссы, составляя до 70 % населения, тогда как великорусы дают всего 30 %. Последние при этом главным образом сосре-

дотачиваются в восточных частях Харьковской губ., а именно на территории Старобельского, Змиевского, Волчанского, Харьковского и Купянского уездов.

Кроме правительственной и вольной колонизаций большое значение в населении края имели монастыри. Большинство их было основано выходцами из Польши, бежавшими от религиозных преследований после унии. Особенно известностью пользовались монастыри: Святогорский (Изюмского у.), Троицкий, Змиевский, Николаевский, Ахтырский и Курядский (близ Харькова). Из них наибольшее значение в деле колонизации имел Святогорский монастырь на Донце. Расположенный весьма удобно на крутых меловых горах, где еще с XV в. спасались отшельники, он служил прекрасной крепостью, так как был хорошо укреплен самой природой (скалами), да кроме того имел пушки и был окружен стеной. Монастырь владел обширными участками земель и деятельно их заселял.

С конца XVI века южно-русское православное духовенство, по мере распространения унии и усиления преследования «хлопской» веры, как называли поляки православие, начало вести переговоры с Москвой о присоединении той части нашей области (западных двух третей), которая не была еще подвластна Москве. Множество монахов переселилось в русские пределы и основало здесь монастыри. Московское правительство охотно давало им свое покровительство. Особенно много милостей расточалось монастырям Мгарскому

(Дубенского у.), Густынскому и Ладинскому (Прилуцкого у.), сильно подготовлявшим почву для соединения с Москвой русских земель польской короны.

В 1648 г. поднялось громадное восстание казаков под предводительством одного из казацких старшин Богдана (Зиновия) Хмельницкого. В союзе с крымским ханом Хмельницкий одержал ряд побед над поляками и своими «универсалами» поднял всю Украину. После поражения под Зборовом польский король Ян Казимир вынужден был вернуть казакам их былые вольности и увеличить число реестровых казаков до 40 тысяч. Однако вслед за этим последовало поражение казаков под Берестечком и новое сокращение числа казаков до 20 тысяч по условиям Белоцерковского мира. Вместе с тем снова усилилась панская колонизация, сопровождавшаяся закрепощением народа. Последний бежал в Слободскую Украину, где вскоре появились города: Сумы, Лебедин, Белополье и др. Под влиянием неудач Хмельницкий обратился к московскому правительству с просьбой принять Малороссию под царскую руку. После долгих переговоров земский собор 1653 г. высказался за присоединение. На раде в Переяславле были прочитаны условия последнего, и народ был приведен к присяге.

Присоединение Малороссии вызвало войну России с Польшей, результатом которой было признание Малороссии за Россией. По условиям соединения, число реестровых казаков было доведено до 60 тысяч. Вольности запорожского

войска были распространены на все население. Гетман избирался на генеральной раде, которая обыкновенно собиралась из казаков, в некоторых же случаях на раду являлись и мещане и даже посольство; в таком случае она называлась черной радой. Гетман считался главой войска, имел право дипломатических сношений с иностранными государствами, за исключением турецкого и польского; кроме того, ему принадлежала высшая административная власть среди присоединенного населения. При гетмане состояла генеральная войсковая канцелярия, в состав которой входили: генеральный обозный, судья, писарь, есаул, хорунжий и бунчужный. Вся левобережная Украина делилась на 10 полков, полки – на сотни, последняя – на курени. Во главе этих групп стояли частью выборные, частью назначаемые – полковники, сотники, куренные атаманы. Наконец, посольство управлялось выбранным на «громаде» (сходе) войтом.

Соответственно этим градациям было установлено деление суда на сельский, сотенный, полковой и генеральный с участием «старинных, значных людей». Шляхта сохранила свои права, городам было оставлено магдебургское право. Духовенство присоединялось на условиях подчинения константинопольскому патриарху. После присоединения Малороссии быстро завершилась колонизация области трех малорусских губерний. В период с 1651 по 1681 год малорусы окончательно заселили почти всю Харьковскую губ., заслонив только что оконченную оборонительную черту по

Сев. Донцу и Коломаку, заключавшую города: Царевоборисов (Изюмского у.), Солёный (Славянск), Балаклею (на Сев. Донце, Змиевского у.), Бишкін (на Сев. Донце, Змиевского у.), Змиев и Валки.

После Богдана Хмельницкого началось разложение казачества, потерявшего уже свое прежнее значение. Из среды однородного населения выделилась войсковая канцелярия; занимаемые ее членами должности, прежде выборные, теперь фактически сделались наследственными. Вместе со своим возвышением члены канцелярии обнаруживали стремление уравниваться в правах с панами и подчинить себе массу, почему и тянули к аристократической Польше.

С другой стороны московское правительство систематически сокращало вольности воевод, проводя на выборах своих кандидатов, наконец, разными милостями склоняя на свою сторону гетманов. Все это вызывало непрерывные смуты и частую смену гетманов. Представителями интересов старшины являются преемник Хмельницкого Выговский и сын его Юрий Хмельницкий, которые передались Польше. Произошло разделение Малороссии на право- и лево-бережную. Последняя осталась верна Москве и утвердилась за ней, по Андрусовскому договору в 1667 г., после второй войны России с Польшей.

За указанными гетманами в левобережной Украине следовали: избранный на черной раде Брюховецкий, впоследствии убитый казаками за излишнюю угодливость Москве, и

Многогрешный. В гетманство Многогрешного Москве удалось ввести воевод в Киев, Переяслав, Чернигов и Остр. После Многогрешного был избран гетманом Иван Самойлович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.